О. С. АХМАНОВА, Ю. А. БЕЛЬЧИКОВ, В. В. ВЕСЕЛИТСКИЙ

К ВОПРОСУ О «ПРАВИЛЬНОСТИ» РЕЧИ

Нормализация литературной речи — одна из актуальных задач современного языкознания. Соответствующие систематические исследования представлялось бы естественным проводить во всех основных разделах языка — в области фонологии, морфологии, синтаксиса, лексикологии, лингвостилистики. Однако до сих пор последовательная и систематическая нормализация речи ограничивается сферой правописания и произношения. Вследствие этого сами термины «орфография» и «орфоэпия» понимаются крайне суженно, т. е. как правила правописания и правила произношения. Что же касается лексической, синтаксической и лингвостилистической «орфоэпии» и «орфографии» в более широком смысле (для которой может быть предложено особое название — «ортология»), то эта область научных изысканий разработана еще крайне недостаточно¹.

Для того чтобы попытаться определить предмет и границы «ортологии» как особой лингвистической дисциплины, необходимо прежде всего поставить вопрос о категориях этой науки и, далее, о методике исследования явлений и фактов, относящихся к этой области. Отличие ортологии от фонетики, грамматики, лексикологии, фразеологии состоит прежде всего в том, что основной категорией ортологии является категория вариантности, для выявления и описания которой следует обратиться к изучению функционирования языка как важнейшего средства человеческого общения, а также к изучению характера и объема сознательного воздействия на развитие языка со стороны его носителей. В основе категории вариантности лежит сосуществование параллельных способов выражения, имеющих общее лингвистическое (грамматическое, лексико-семантическое, фонологическое) значение, но различающихся оттенками или сферой распространения².

¹ Слабая и недостаточная разработка проблем описательной грамматики и в связи с этим проблем нормализации литературной речи и стилистики неоднократно отмечалась в лингвистической литературе. Ср., например, В. В. Виноградов, Итоги обсуждения вопросов стилистики, ВЯ, 1955, № 1. Из известных работ более общего характера, имеющих значение для исследований в области нормализации речи и стилистики, необходимо указать в первую очередь следующие: В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., 1947; е го же, [реп. на кп.:] А. Н. Гвоздев, Очерки по стилистике русского языка, ВЯ, 1952, № 6; В. И. Чернышев, Правильность и чистота русской речи, 2-е изд., Пг., 1914—1915; е го же, Законы и правила русского произношения, 3-е изд., Пг., 1915; Р. И. Аванесов, Русское литературное произношение, 3-е изд., М., 1958; Е. С. Истрина, Нормы русского литературного языка и культура речи, М.—Л., 1948; С. П. Обнорский, Культура русского языка, М.—Л., 1948; С. И. Ожегов, К вопросу об изменениях словарного состава русского языка в советскую эпоху, ВЯ, 1953, № 2; е го же, Очередные вопросы культуры речи, сб. «Вопросы культуры речи», 1, М., 1955; К. И. Былинский, Д. Э. Розенталь, Литературное редактирование, М., 1957; Ю. Р. Гепнер, Очерки по общему и русскому языкознанию, Харьков, 1959, и нек. др. См. также Е. В. Ухмылина, Культура и развитие речи. Указатель литературы, Горький, 1959.

² Существенно подчеркнуть, что предметом ортологии как научной дисциплины является такая вариантная соотносительность, члены которой представляют собой реальный, безусловно вошедший в ткань языка факт. Разного рода очевидные ошибки, явное несоблюдение правил и законов общенародного языка, порождаемые, например, плохим знанием языка, при ортологическом исследовании во внимание не принимаются.

Категория вариантности отражает реальное сосуществование в языке сходных по функциям элементов старого и нового качества, процессы распространения разнообразных параллельных форм, конструкций, оборотов и т. д. В основе категории вариантности лежит воззрение на язык как на особое общественное явление, находящееся в состоянии непрерывного изменения, признание полной невозможности статического среза как основы для «нормализации» языка, так как такой подход к вопросу, несомненно, привел бы в целом ряде случаев к навязыванию данному языковому коллективу фактически уже не существующих регламентаций.

Показать специфику ортологии можно на примере сосуществования в современном русском языке двух параллельных форм род. падежа существительных муж. рода ед. числа на *-а* и на *-у* (*чашка чая — чашка чаю*). Если описательная грамматика обычно в основном констатирует наличие двух параллельных форм в грамматической системе языка или в процессе исторического развития ее, то с точки зрения нормализации речи различия в смысловых, стилистических оттенках рассмотренных форм на *-а* и *-у* в современном русском литературном языке наших дней представляются основными. Конечную задачу ортологии составляет точная соотносительная оценка функционирования вариантов в каждый данный момент развития языка, установление «правильного» их употребления. Для ортологии важно установить мотивы употребления той или иной формы (или условия, при которых необходимо использовать ту или иную форму). В качестве примера можно привести еще соотносительную пару *из дба* — *из дому*. Будучи формами одного падежа и выражая в данном случае одно значение, компоненты этого соотношения не являются тождественными. *Из дому* указывает направление из жилища, постоянного места жительства кого-либо (ср. англ. *from home*), *из дба* подразумевает помещение, здание как таковое, могущее служить и местом временного пребывания кого-либо (ср. англ. *from a house*). Различие это не всегда учитывается говорящими. Еще иллюстрация. Формы множественного числа существительных на *-а* и на *-ы* (*и*) для некоторых слов оказываются одинаково употребительными, но нередко они приобретают и определенные семантические различия. Так, например, форма *учителя* используется для обозначения учителей-педагогов, тогда как форма на *-и* (*учители*) употребляется для обозначения наставников духовных и идейных. Совершенно иное соотношение наблюдается между такими параллельными формами, как, например, *профессоры* — *профессора*, первая из которых архаична; ее употребление в обычном стиле речи было бы «неправильным».

Уже приведенные примеры позволяют установить, что соотносительность вариантных форм, конструкций и т. д. может быть разной. Во-первых, выделяются случаи, когда все компоненты данного вариантного ряда представляются нормативными и различаются лишь смысловыми или стилистическими оттенками (*учителя — учителя*). Во-вторых, возможны случаи, когда один из соотносительных компонентов нормативный, а другой (или другие) стоит на «периферии» современного литературного употребления (ср. устаревшее *профессоры* наряду с *профессора*, приобретающий права гражданства южнорусизм *говорить за*, абсолютное употребление глагола *внедрить* вместо *внедрить в производство*, просторечное *нету* вместо *нет* и т. д.). Эти два наиболее простых и несомненных случая вариантности далеко не исчерпывают всех возможных видов соотношения, которые требуют гораздо более детальной и разносторонней разработки. Понятие «правильности» и «неправильности» речи может приобрести научную точность и явиться основой для той или иной регламентации только тогда, когда работа по исследованию различных типов вариантности будет в должной мере продвинута.

Систематические ортологические исследования необходимо предполагают рассмотрение таких общелингвистических категорий, как соотношения языка и речи (в частности, проблема языковой категории и способов

ее выражения) и особенно «ассоциативного» и «линейного» рядов. В наиболее общем виде разнообразные явления вариантности категоризуются именно как явления парадигматического (или «ассоциативного») ряда и явления синтагматического (или «линейного») ряда. К первым относятся явления «выбора» («вариантности»), «множественности», «взаимозаменяемости») слов и выражений как таковых, рассматриваемых сами по себе, вне соотношения с окружающим контекстом. Так, например, вместо слова *зараза* может быть употреблено с той или иной целью слово *инфекция*, вместо *украсть* — *стащить* или *похитить*, вместо *человек* — *тип*, *субъект*, вместо *так как* — *ибо* и т. п. Во всех подобных случаях варианты «сосуществуют» за пределами данного «речевого произведения», в котором они не только взаимонезаменяемы, но и взаимоисключены. Ко вторым (т. е. к явлениям синтагматического, или «линейного», ряда) относятся такие явления, сущность которых состоит именно в сосуществовании в данном речевом произведении. Так, например, ортологическое рассмотрение и оценка таких сочетаний, как *ужасно интересно; этот тип изрек; он не придет, ибо болен* и т. п., требуют уже не сопоставления каждого из членов в отдельности с его «парадигматическими», или «ассоциативными», аналогами, т. е., соответственно, не с *очень*, *чрезвычайно*, *весьма* и т. п. и не с *любопытно*, *занимательно*, *увлекательно* и т. п.; не с *человек* и не со *сказал*, *промолвил* и т. д., а с выяснением правильности или «ортологической оправданности» именно данного сочетания, соединения слов в данной речевой ситуации.

В плане парадигматическом наиболее отчетливо и несомненно выделяются явления, которые можно было бы объединить под названием структурной вариантности. Здесь объединяются такие случаи, когда два или более параллельных способа выражения различаются какими-либо особенностями своей морфологической структуры. Это или устойчиво существующие морфологические варианты слова (*спазм* — *спазма*, *индивид* — *индивидуум*, *жираф* — *жирафа*), или возрождение словообразовательной форманты, устаревшей для данного слова (ср. *преемство* вместо *преемственность* и т. п.), или некоторые другие случаи³.

В этом же плане намечается ряд явлений, которые можно было бы условно объединить под общим названием временной вариантности. Введение понятия «временная вариантность» оправдывается стремлением подчеркнуть важность для изучения языка фактора времени, того обстоятельства, что язык находится в состоянии непрерывного движения и изменения. Поэтому в каждый данный момент в языке оказываются параллельные выражения — элементы устаревающие, относящиеся, по существу, уже к пройденным этапам развития языка, и элементы, которые только появляются — вначале, может быть, в ограниченных сферах употребления. Речь здесь идет, собственно, об «архаизмах» и «неологизмах». Например, в настоящее время было бы анахронизмом называть родителей собеседника *ваша матушка*, *ваши батюшка* (resp. франц. *madame votre mère*, *monsieur votre père*), говорить вместо *самолет* — *аэроплан*, вместо *летчик* — *авиатор*; то же впечатление производит оборот *быть в концерте* вместо *быть на концерте*, не *преминуть* (*сделать что-либо*) и т. д.

Что же касается явлений собственно стилистической⁴ (или оценочной) вариантности, то здесь четкое разграничение парадигматического и синтагматического рядов становится неоправданным. Выше говорилось о явлениях, вариантность которых обусловлена или их

³ Подробнее см.: О. С. А х м а н о в а, Очерки по общей и русской лексикологии, М., 1957, стр. 213—233.

⁴ Необходимо заметить, что содержание понятия «стилистический» в науке четко не определено. Этот термин представляется целесообразным употреблять для обозначения разного рода эмоционально-экспрессивных, оценочных «обертонов», накладывающихся на собственно семантическую, или интеллектуальную, ткань высказывания.

структурой, или разной временной отнесенностью в пределах какого-либо периода развития языка. Здесь же предметом наблюдения будут результаты перемещения слова из одного, свойственного ему стилистического плана, или «уровня», языка в другой, ему несвойственный. Это, естественно, предполагает наличие параллельных средств выражения мысли. Оценочная вариативность основывается на выборе из ряда стилистических вариантов — синонимов такого, который своим несоответствием контексту создает тот или иной стилистический «эффект». Ср.: *перешагнуть через лужу* — *форсировать лужу* и т. д. Подобный же результат достигается употреблением слов *коллатеральный*, *летальный*, *дешифровать* и т. д. в несвойственных им контекстах вместо общеупотребительных *боковой*, *смертельный*, *разобрать* и т. д.

*

Исследование явлений синтагматического ряда требует принятия определенной системы в классификации соединений слов, типов их синтагматического соположения. В данной статье авторы рассматривают различные типы словосочетаний, располагая последние по степени их продуктивности, характеру употребления и распространения. Детальная классификация словосочетаний осуществлена в академической «Грамматике русского языка» и получила применение в некоторых специальных исследованиях⁵. Однако, хотя эта классификация в основных положениях используется нами, в целях данной работы она нуждается в некоторых уточнениях, поскольку ортология исходит из функционально-оценочного аспекта речи. Особенно большое значение здесь приобретает момент частотности, распространенности того или другого вида соединения слов. Абсолютное большинство собранных фактов в сфере именных и глагольных словосочетаний относится к трем типам словосочетаний: 1) прилагательное + существительное (*весенняя погода*), 2) существительное + существительное в род. падеже (*кора дерева*), 3) глагольные словосочетания, конституируемые противопоставлением предложного и беспредложного управления⁶. Конечно, такая классификация охватывает не все случаи, а лишь самые основные из них.

Одним из самых распространенных и наиболее продуктивных среди именных словосочетаний в современном русском языке является словосочетание, состоящее из имени существительного и согласованного с ним прилагательного (указанного выше типа *весенняя погода*). Особенно широко используются эти словосочетания в обиходной речи, а также в таком жанре, как газета. В последнем случае представляется возможным говорить о наметившейся тенденции к дальнейшему расширению словосочетаний рассматриваемого типа. Эта тенденция усиливается, в частности, влиянием переводов с английского языка, которых так много в современных газетах, в результате чего появляются такие выражения, как *президентское послание* (англ. *presidential message*) вместо *послание президента* или *министерское совещание* (англ. *ministerial meeting*) вместо *совещание министров* и т. п.⁷.

Словосочетания типа «прилагательное + существительное» встречаются в качестве параллельных способов выражения наряду со словосочета-

⁵ Ср. О. С. А х м а н о в а, указ. соч.; см. также главу «Словосочетание», написанную В. А. Белошапковой, в книге «Современный русский язык. Синтаксис» (изд. МГУ, 1957).

⁶ Последние могут рассматриваться и по отдельности. В данной работе они объединяются на основе указанного противопоставления.

⁷ Большая широта семантико-синтаксических функций прилагательного в английском языке по сравнению с современным русским сближает английский язык с более старыми формами русского языка, когда были естественны такие сочетания, как *страх иудейский*, *ограбление монастырское*, *взятие псковское* и т. п. (см. А. М. Пешков и К. И. Русский синтаксис в научном освещении, 7-е изд., М., 1956, стр. 246—247. См. также О. S. A f h m a n o v a, Lexical and syntactical collocation in contemporary English, «Zeitschr. für Anglistik und Amerikanistik», Jg. 6, Hf. 1, 1958, стр. 19).

ниями «существительное + существительное в род. падеже»; ср. *советские предложения* и *предложения Советского Союза*, *погодные условия* и *условия погоды* и т. п. Среди единиц типа *весенняя погода* могут появляться и не совсем четкие в семантическом отношении случаи, когда возможно двойное толкование. Например, *колхозные телятницы* — телятницы данного колхоза и колхозные телятницы в отличие от совхозных.

Словосочетания типа *весенняя погода* могут заменять и более сложные по своей структуре образования, в том числе и описательные обороты (ср. *германский вопрос*, *русский вопрос* и т. д., заменяющие предложно-именные конструкции с предлогом *о*). Такого рода словосочетания были распространены и в XIX в. В настоящее время они широко используются в речи специалистов, людей одной профессии, при этом часто имея условный характер. Ср. из речи спортсменов: *кубковая игра* («игра на кубок»), *полевой игрок* («игрок, участвующий в борьбе за мяч на футбольном поле»); ср. из технической терминологии: *эфирная радиофикация*, *попутный газ* и т. п.

Важно отметить, что процесс замены различных оборотов словосочетаниями типа *весенняя погода* тесно связан с процессом обогащения семантической структуры прилагательного — компонента словосочетания и соответственно с расширением сочетаемости этого прилагательного, что обусловлено в свою очередь особенностями в развитии соответствующих реалий. Получается чрезвычайно сложная и многообразная картина, которая складывается из взаимодействия таких различных факторов, как: 1) судьба данного типа словосочетания вообще в языке, 2) изменение значения и сочетаемости данного конкретного прилагательного под влиянием изменений в самой реалии. Показательным в этом отношении представляется прилагательное *атомный*. В первые десятилетия XX в. это слово могло выступать только как составная часть физико-химических терминов («атомный», т. е. относящийся к атому). В настоящее время наблюдается интенсивный рост употребительности этого слова. Прилагательное *атомный* сравнительно легко вступает в сочетание с существительными, относящимися отнюдь не к физико-химической терминологии. См., например: *атомная бомба*, *артиллерия*; *атомный снаряд*, *ледокол*; *атомное вооружение*, *оружие*. Особенно показательно расширение сферы сочетаемости слова *атомный* в следующем, например, ряду: *атомная война*, *политика*; *атомный психоз*, *шантаж* и т. д. Такого рода словосочетания распространены в публицистике. Как и приводившиеся выше сочетания *кубковая игра*, *полевой игрок* и т. д., сочетания с прилагательным *атомный* (ср. также с *атлантический* и под.) находятся в русле все той же тенденции выражать некоторые, даже сложные расчлененные понятия словосочетаниями типа *весенняя погода*. Значение последних нередко определяется через более распространенные словосочетания и обороты. Ср. *атомная война* — это «война с применением атомного оружия», а *атомное оружие* означает «оружие, в котором используется энергия расщепления атома».

Следующим по степени продуктивности и распространенности среди именных словосочетаний в современном русском языке представляется словосочетание типа *кора дерева*. В сфере словосочетаний этого типа также наблюдается стремление расширить фразеологические связи компонентов. Такие, например, выражения, как *образцы труда* (*образцы труда показывает токарь Иванов*), возникли в результате соединения словосочетаний типа *весенняя погода* и *кора дерева* при опущении одного из компонентов сложного словосочетания (по типу явления эллипсиса в разговорной речи). Действительно, в приведенном примере речь идет о героическом самоотверженном труде токаря, об образцах такого труда. Следовательно, надо было бы сказать *образцы самоотверженного труда*. Однако в настоящее время словосочетание *образцы труда* вполне закономерно, поскольку у слова *образец* развилось самостоятельное значение «положительный, хороший образец».

Между типами словосочетаний *кора дерева* и *весенняя погода* наблюдается, таким образом, известное соотношение. Оно выражается, с одной стороны, в том, что, как было показано выше, словосочетания этих типов заменяют друг друга; с другой стороны, в том, что словосочетания *весенняя погода* и *кора дерева* определенным образом контаминируют друг с другом.

В глагольных словосочетаниях наблюдаются явления, связанные преимущественно с контаминацией в сфере управления (как беспредложного, так и предложного). Весьма заметна тенденция расширять круг предлогов, вовлекаемых в систему фразеологических связей отдельных глаголов. Особенно выделяются следующие случаи.

1. Аналогическое употребление предлогов. Например: *Мать тянется навстречу молодежи* (вместо *к молодежи*); *Все это говорит о несравнимых преимуществах советского строя над буржуазным* (вместо *перед буржуазным*); *Он радеет к людям* (вместо *о людях*) и др.

2. Контаминация или изменение управления в результате совмещения двух близких по значению глаголов. Например: *смириться с чем-либо* (ср. *примириться с чем-либо*) вместо *смириться перед чем-либо*; *отчитаться о чем-либо* вместо *отчитаться в чем-либо*; *беспокоиться за кого-либо* вместо *беспокоиться о ком-либо* и др.

3. Новые явления в области управления. Так, становится закономерным использовать глаголы *внедрять* — *внедрить* без косвенного дополнения в вин. падеже с предлогом. Совсем недавно считалось, например, обязательным: *внедрить новую технику в производство*. Теперь же все чаще и чаще дополнение *в производство* опускается. Все более распространенным (в пределах «правильной», «литературной» речи) становится употребление глагола *требовать* с инфинитивом. Например: *Миролюбивые силы в западноевропейских странах и США все настойчивее требуют от своих правительств приступить к деловому обсуждению предложений Советского Союза*. Эта же тенденция проявляется в сфере управляющих существительных отглагольных или обозначающих действия. Например: *Советский народ решительно поддерживает усилия своего правительства добиться урегулирования германской проблемы*.

*

Из сказанного выше ясно, что «ортология» в предлагаемом понимании в первую очередь должна заниматься изучением реальных процессов, происходящих в языке, — тех процессов, в результате которых постепенно складываются некоторые закономерности словоупотребления. Эти закономерности действуют в определенный момент развития языка и постоянно обновляются и изменяются. Хотя «оценка» того или иного конкретного выражения говорящим в той или другой ситуации обусловлена наличием разного рода специфических особенностей (диалектная принадлежность, возраст, образование и т. д.), все же некоторые явления могут быть объединены как примеры весьма далеко идущего расширения возможностей словоупотребления того или иного типа. Здесь можно наметить, в самом предварительном плане, следующие случаи (группируем их в той же последовательности, что и в предыдущем изложении).

1. В сфере словосочетаний типа *весенняя погода* наблюдается, прежде всего, чрезвычайно интенсивное расширение фразеологических связей лексем, объединяемых в эти словосочетания. Поэтому наряду с такими примерами, как *берлинский вопрос*, встречаются и такие, как *дворянская деградация*, в которых «смазаны» семантические грани и смысл которых становится трудно уловимым, хотя это словосочетание соответствует по типу общей тенденции заменять обороты более сложной структуры построениями типа *весенняя погода*.

В сфере словосочетаний типа *весенняя погода* наблюдаются также объединения лексем в результате своеобразной лексико-семантической контаминации одного из компонентов с близким семантически словом. В качестве примера можно привести сочетание *высокопоставленные круги*. Очевидно, что слово *высокопоставленные* может сочетаться лишь с существительными, обозначающими отдельных (должностных) лиц или их совокупность (*высокопоставленные лица, чиновники, персоны* и т. д.), тогда как слово *круги* означает не только совокупность лиц, группирующихся вокруг какого-либо учреждения, организации, видного деятеля, но и совокупность учреждений. Таким образом, в сочетании *высокопоставленные круги* прилагательное, которое может употребляться лишь с существительным со значением лица, поставлено в сочетание со словом, обозначающим совокупность не только лиц, но и учреждений. Явления рассматриваемого типа иллюстрируются также словосочетанием *непредвзятый наблюдатель*. С достаточным основанием можно утверждать, что прилагательное *непредвзятый* сочетается с неодушевленными, в частности, отвлеченными, существительными (*непредвзятый взгляд, точка зрения, мнение* и т. д.). Наблюдатель с непредвзятым мнением, взглядом — объективный, беспристрастный наблюдатель. Видимо, семантическое сходство слов *непредвзятый, объективный, беспристрастный* сделало возможным появление сочетания *непредвзятый наблюдатель*⁸.

2. В сфере словосочетаний типа *кора дерева* также наблюдается расширение сложившихся фразеологических связей слов — компонентов словосочетаний, в частности лексико-семантическая контаминация. Примером может служить сочетание *фарс выборов* (*фарс выборов в странах капитализма*). Слово *фарс* редко требует имени существительного. Обычно это присуще семантически близкому слову *комедия*, которое регулярно встречается и в переносном значении, образуя сочетание *комедия суда*. Именно под влиянием последнего возникло сочетание *фарс выборов*. Рассматриваемое явление наблюдается также в таких распространенных в современной речи построениях, как *факты общественных контролеров говорят о...*, когда сочетание образуется «усечением», сокращением более сложного описательного оборота (*факты общественных контролеров — «факты, которыми располагают общественные контролеры»*).

3. В области глагольных словосочетаний под влиянием процессов, связанных с контаминацией и аналогией, а также с расширением круга фразеологических связей отдельных глаголов, наблюдаются случаи, свидетельствующие об отклонениях от сложившихся связей и отношений между словами. Примерами могут служить следующие случаи: а) *незаконмерное аналогичное употребление предлога при глаголе*. Например, предлог на при глаголе *участвовать*: *В мае состоялось совещание, на котором участвовало...* (вместо *в котором участвовало*); б) произвольное изменение управления при отдельном глаголе: *Качалов потрясал проникновенным исполнением роли Бранда*. Глагол *потрясать* в переносном значении обычно сочетается с отвлеченным существительным в твор. падеже (*потрясать чем*) и одушевленным существительным в вин. падеже (*потрясать кого*). В приведенном примере дополнение в вин. падеже отсутствует; в) контаминация. Например: *ассимилироваться чему* (под влиянием *уподобляться чему*), *иронизировать над чем* (под влиянием *смеяться, издеваться над чем*) вместо *иронизировать по поводу* и т. д.; г) редупликация — нередупликация глагольной модификации. Как известно, явление «удвоения», свойственное русскому языку и в меньшей мере шведскому и некоторым другим герман-

⁸ Приведенные примеры рассматриваются только с ортологической точки зрения. Различного рода стилистические категории (такие, например, как «перенос эпитета» и т. п.) здесь к исследованию не привлекаются.

ским языкам (ср. англ. *in*, герср. *into*; швед. *in*, герср. *i* и т. п.), выражается в употреблении омоморфемных приставки и предлога. Ср. *отличаться от*, *исходить из* и т. п. Для современного речевого употребления представляется возможным говорить о намечающейся тенденции к устранению такого рода «удвоений», вследствие чего распространение получают такие формы управления, как *различать*, *различаться от*; *отличать(ся) между собой*; *исходить от* и т. п. вместо *различать кого-что* и *различаться, отличать(ся) от* (также: *друг от друга*), *исходить из* и т. д.

Помимо перечисленных, можно отметить также следующие явления, имеющие отношение к проблеме «правильности» речи. Например, можно наблюдать случаи, когда расширяется выражение понятия отчуждаемой— неотчуждаемой принадлежности, обнаруживается ее «избыточное выражение». (Как известно, эти явления представлены в русском языке гораздо менее отчетливо, чем, например, в большинстве новых европейских языков. Ср.: *У него в руке был карандаш — He had a pencil in his hand*; *Он надел шляпу на голову — He put a hat on his head* и т. д.) Примерами упомянутой «избыточности» могут служить следующие случаи; *Язык имеет гораздо более узкие границы своего применения*; *Дождь уже дает свои последствия*; *Накануне своей смерти он изменил завещание*, и т. д.; ср. также: *Это не нашло себе отпора со стороны наших преподавателей*; *He оставил по себе след*; *He мог наблюдать сам за собой*, и т. п.

Необходимо также указать на явления «плеоназма». Ср., например, употребление подобнозначущих слов (*инициативное начинание*) или слов, в одном из которых повторяется значение другого (*несколько резковат*). В последнем примере слово *несколько* определяет степень признака, которая выражена формой самого прилагательного *резковат*. Ср. также случаи морфологического характера, например *самый сверхизобильный*: *В магазин поступают товары в самом сверхизобильном количестве*⁹, и др.

Изложенные соображения, естественно, не исчерпывают обширную проблематику нормализации речи. В статье лишь была сделана попытка обратить внимание на некоторые тенденции развития, главным образом в сфере словосочетания, совмещая это по возможности с выяснением функционального соотношения вариантов для каждого отдельного случая в русском литературном языке наших дней. Одновременно была предпринята попытка определить ряд наиболее специфических и существенных для рассматриваемой области языкознания категорий.

⁹ О построениях последнего типа см.: Ю. А. Бельчиков, Об именах прилагательных с приставкой *сверх-* в современном русском языке, сб. «Вопросы культуры речи», 2, М., 1959.